

Людмила Ракузо

*Когда мы жили
на 43-м пикете*

0+

Людмила Ракузо

Когда мы жили на 43-м пикете

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Ракузо Л.

Когда мы жили на 43-м пикете / Л. Ракузо — «ЛитРес:
Самиздат», 2020

Эта небольшая автобиографическая повесть-исповедь о нашей семье. О предках и о моем детстве. Маленький кусочек истории рода Гордеевых-Гончаровых. Потомки должны знать откуда идет их род, где его корни. Написано для сестры моей Ольги по её настоятельной просьбе.

Содержание

«43 пикет»	5
Скелет в шкафу	6
О родителей	7
Зазеркалье	10
Воскресенье, день веселья!	13
Арап	14
Аэродром	15
Полет на кукурузнике	16
Та заводская проходная...	18
По малину	21
Исчезнувшая деревня	22
Выбражуля	23
Подарки	24
Торт и рыбий жир	27
Гастрономический рай	28
Соседи	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

«43 пикет»

Когда мы жили на «43 пикете», я с детства пыталась выяснить, что значит «пикет» и почему 43-й. Никто не мог мне этого объяснить и вот теперь, я попробовала сама найти более-менее разумное объяснение.

Пикет – точка разметки расстояний на железнодорожных линиях на местности с шагом в 100 м. Когда-то в городе Юрге, через весь город проходила железнодорожная ветка. Начиналась она на кирпичном заводе, шла по всей улице Московской, потом по переулку Литерному и заканчивалась на первом участке. Вот видимо где-то на этой линии, была точка разметки ПК-43 и в районе этого столбика началась застройка частного сектора, наречённого в народе как «43 пикет». Но это моё личное предположение. Был ещё «27 пикет» вдоль ж/д, где-то в районе Старой Юрги. В городе много мест со странными названиями: «40 домиков», Бурлачиха, первый участок, второй и пятый, но никогда не было третьего и четвёртого. Или были?..

В крутых берегах речки Бурлачихи жили немцы в землянках. Там же, только чуть выше, было у них кладбище. Теперь там немецкий мемориал и садовые участки. Берега уже не такие крутые и речка уже не речка, а ручей. И только весной шумно бурлит оправдывая своё название. Первый участок, это теперь промзона, а когда-то было много жилых улиц, клуб, баня и школа № 6. Центр города называли «2-й участок». Помню бараки, в которых жили люди и располагались разные учреждения. За баней, по Леонова-3 стоял барак, в котором была стоматология. Мне там впервые удалили зуб...

Железнодорожная линия, проходившая по улице Московской, просуществовала до 1964 года, а «43 пикет» стоит и поныне. Для всех кто родился и жил на «43 пикете», это точка разметки всей нашей жизни. Наше детство, наши родители, наша малая Родина. Однажды, наш одноклассник, с гордостью произнёс: «Мы – сороктретьюевские!»

Скелет в шкафу

Начала писать и вдруг поняла, что я не знаю о своих предках почти ничего и спросить уже не у кого, а ведь мне бабушка так много рассказывала. Я была уверена, что знаю, если не всё, то очень многое. Теперь понимаю, информации было чуть, а были в бабушкиных рассказах эмоции о пережитом.

Наш дед Ракузо Винидикт Яковлевич, родом из Белоруссии, Могилёвская область, Быховский район. Совсем неожиданно оказалось, никакой он не Ракузо, а Николайчик. Это мне рассказали родственники нашего деда, которых я случайно отыскала в соцсетях. Вот уж никак не ожидала обнаружить скелет в шкафу. Оказывается, во времена репрессий, на семью Николайчик пришла бумага о неблагонадёжности. Сменив фамилию Николайчик на Ракузо, вся дедушкина семья подалась в бега из Белоруссии в далёкую Сибирь. В надежде, что тут их не найдут и дальше Сибири не сошлют. Какие ещё семейные тайны унесли с собой в могилу наши предки? Про своего первого мужа, бабушка говорила, что он пропал в гражданскую. Ни имени, ни фамилии. Никаких подробностей. Пропал, как и не было...

Беглого белоруса привёл бабушке её отец, Гордеев Михаил Дементьевич, наш прадед. Это уже в Сибири было. Хранила бабушка фотографии в старинных рамках. На одной из них, совсем ещё молодая бабушка с маленькой дочкой Ниной на руках. На бабушке кофта в оборочках со множеством маленьких пуговичек. На маленькой Нине шнурованные ботиночки до колен. Рядом сидит на венском стуле, закинув ногу на ногу, в хромовых, начищенных сапогах, бабушкин муж и наш родной дед, Ракузо Винидикт Яковлевич. А папы ещё нет, не родился. Но и фотографии те пропали вместе с тётёй Ниной. Вот и пришла мне в голову мысль, записать всё, что знаю и помню. Пока ещё помню... Вдруг кому-нибудь, когда-нибудь интересно станет, кто мы и откуда. Когда-то, давным-давно, я просила бабушку рассказать «про раньше» и она мне рассказывала о своём далёком детстве, начиная каждый свой рассказ словами – «Вот раньше то бывало...»

О родителях

Знаю, что папа в школе хорошо учился. Я видела папин табель с отличными отметками об окончании семилетки. Был папа щёголем, хоть и деревенским. То шарф повяжет с особым форсом, то шапку сдвинет набекрень. Став взрослым, он всегда выглядел элегантно. В костюме, при галстукe, на брюках стрелки наглажены, ботинки начищены. Весной мужики в сапогах по грязи шлёпают, а папа в ботиночках с камушка на камушек перепрыгивает. Не простой деревенский парень, а франт столичный. Откуда это в нём? На фото мама с папой, 1952 г.

Вот и влюбилась в него наша мама. Не знаю ничего о их романе – как познакомились, долго ли встречались, но проводила мама папу в армию и ждала 3 года. Служил папа в Москве, с 1949 по 1951 гг. Наверно мама ему письма писала, мечтала замуж за него выйти. Чтобы мечта сбылась наверняка, решила мама в союзники бабушку привлечь. В один прекрасный день, а именно в день рождения бабушки, явилась мама в гости с подарком. Бабушка подарков не любила, всегда говорила: за всё надо платить, а за подарки – расплачиваться. Подарок был не

хилый – лежали в коробке шикарные ботиночки, да с пряжкой блестящей. Бабушка за голову схватилась – во век ей не расплатиться за такой подарок. Сразу смекнула с чего такая щедрость, стала отказываться наотрез, ни в какую не хотела брать. Что она папе может сказать? Да он её и слушать не станет, возьмёт и женится на другой, что тогда?...

После армии папа женился на маме и 31 декабря 1951 года в Юргинском ЗАГСе был зарегистрирован брак между Ракузо Василием Венидиктовичем и Гончаровой Таисией Ивановной.

**СВИДЕТЕЛЬСТВО
О БРАКЕ**

ФИ № 107426

Гражданин Ракузо
Василий Венидиктович
год рождения 1924 г. Кемеровская
обл. Ленинский р-н

Гражданка Гончарова
Таисия Ивановна
год рождения 1928 г. Кемеровская
обл. Горьковский район

вступили в брак 31 декабря 1951
года

о чем в книге записей актов гражданского состояния
о браке 1951 года декабря месяца 31 числа
произведена соответствующая запись за № 493

После регистрации брака присвоены фамилии:
мужу Ракузо жене Ракузо
что подписью и печатью свидетельствуется.

Место регистрации: Горьковский р. район
Кемеровская обл.

Дата выдачи 31 декабря 1951 г.

Юргинский районный ЗАГС
Заведующий бюро записей
актов гражданского состояния
М. П. Гончарова

Зазеркалье

В Юрге папа пошёл работать на машзавод в цех № 50 подручным сталевара. Как главный герой из кинофильма «Весна на Заречной улице». В горячем цехе (как тогда говорили), хорошо зарабатывал. Соседи и знакомые приходили к нам перехватить денег займы до зарплаты. Получил жильё – домик на «43 пикете». Дом состоял из комнаты и кухни. Жили мы впятером – мама, папа, я и бабушка с тётёй Ниной. Тётя Нина, старшая папина сестра, женщина одинокая и полуграмотная. В комнате на диване спала я, там же стояла родительская железная кровать с никелированным изголовьем. Посередине комнаты стоял круглый стол. Над столом висел большой, жёлтый абажур с бахромой. Бабушка с тётёй Ниной спали в кухне за печкой. Места всем хватало. На фото папа, мама и я у бабушки на руках, наш дом на 43 пикете, 1954 г.

Моим пристанищем был диван, я не только на нём спала, я на нём жила – читала, рисовала, играла. Рядом с диваном, на этажерке, стоял радиоприёмник, я любила слушать песни

и громко подпевать – «Ой ты, дорога длинная, здравствуй, земля целинная...». Добрый Оле Лукойе рассказывал мне сказки: «Здравствуй, мой маленький дружок! Садись поудобней...». Уверенная, что обращаются именно ко мне, я послушно усаживалась и слушала очень внимательно.

На пружинном сиденье хорошо было прыгать, пока никто не видит. В спинке дивана имелись зеркала и если хорошенько подпрыгнуть, то на короткий миг было видно отражение комнаты. Комната была очень похожа на нашу, но почему-то гораздо лучше! Время шло, я подрастала и уже не надо было подпрыгивать, чтобы заглянуть в зеркало. Частенько мы с подружкой Галкой, с восхищением разглядывали комнату из Зазеркалья и мечтали туда попасть.

Мама работала в больничной прачечной. Пару раз она брала меня с собой на работу. Там было очень страшно, крутился огромный барабан на ремнях – типа стиральная машина. Вокруг что-то громыхало и шипело, откуда-то со свистом вырывался пар и в этом тумане перекрикивались прачки. Иногда мама носила стирать в прачечную большие вещи из дома, одеяла байковые, покрывала. Обратно приносила всё сияющее чистотой. Покрывало с моего дивана было красивое, плюшевое, светло-жёлтое и очень маркое. После прачечной оно становилось неузнаваемым. Тогда ведь всё стирали в корыте, на стиральной доске, большое покрывало разве вручную так простираешь!

Воскресенье, день веселья!

Блины бабушка печь любила, все говорили, что у бабы Поли, самые лучшие блины. Первый блин бабушка всегда вручала мне. Потом все садились пить чай. Мама ставила на стол чашки со сметаной и с растопленным коровьим маслом. Вкуснее всего было обмакнуть блин в масло, а ещё лучше в сахар. Бабушка в тарелочку несколько блинчиков отложит и идёт к Кормушаковым, угощать соседскую бабу Лизу. Баба Лиза с ответным визитом к нам придёт и угощение принесёт – тарелку хрустящего татарского хвороста.

Мои первые детские воспоминания. Было мне тогда, чуть больше трёх лет. Солнечное, воскресное утро. Весело поёт радио: «С добрым утром, с добрым утром и с хорошим днём!..» Меня распирает радость! Сегодня вся семья в сборе. В комнате мама с папой, я бегу из комнаты на кухню, там бабушка, она заводит тесто на блины. В печи весело потрескивают дрова. Я разворачиваюсь и снова бегу в комнату. Мама застилает постель, тщательно расправляет одеяло на кровати. Из комнаты я мчусь вприпрыжку опять на кухню. Бабушка ставит рядом с плитой табурет, на него кастрюлю с тестом. Бегу обратно в комнату, мама стелет поверх одеяла белый подзор с кружевным краем и голубое, гобеленовое покрывало. Осталось сложить пирамиду из подушек. Резкий разворот и я опять на кухне. Бабушка достаёт большую чугунную сковороду. Прикрикивает на меня: «Уймись!» Унять совершенно невозможно, меня переполняет восторг! К бабушке присоединяется папа: «Прекрати носиться!» Он бреется опасной бритвой и моя беготня его напрягает. «Воскресенье, день веселья!» – радуется в радиоприёмнике Марк Бернес и при очередном забеге я цепляюсь ногой за табурет...

Слыша грохот за спиной и бабушкины вопли, не оглядываясь и не останавливаясь, со всего разбега я влетаю под кровать. Забиваюсь в дальний, тёмный угол и ... о, ужас! Вижу, как к кровати приближаются папины ноги. Весёлое пение радио сменилось бабушкиными причитаниями. День померк.

Арап

По утрам всех будил заводской гудок. Гудел три раза в 7-00, в 7-30 и в 8-00. Все уходили на работу и мы с бабушкой оставались дома одни. Бабушка очень боялась «сиблонцев», так она называла заключённых Сибирских лагерей. Тогда папа в питомнике Сиблага приобрёл щенка восточно-европейской немецкой овчарки. Пёс был совсем молодой, но очень крупный и уже прошёл школу дрессировки. Знал много команд, но был очень агрессивный, натравленный на человека. Слушался он только маму и папу. Бабушку и тётю Нину игнорировал. Кормить Арапа могла только мама. Все его боялись и свои, и чужие. При приближении чужих, пёс захлёбывался в яростном лае и только команда «свой!», заставляла его замолчать, но он продолжал угрожающе рычать, скалить острые клыки и на загривке шерсть стояла дыбом. Вид у собаки был устрашающий. Уходя из дома, дверь мы запирали на замок, который легко открывался гвоздём, уверенные, что к двери Арап никого не пропустит. После смерти мамы, Арап покусал бабушку, порвав ей обе руки. Пса пристрелили.

Аэродром

Из нашего окна открывался вид на широкую степь. Серебристые метёлки ковыля перекачивались волнами под летним ветром. Осенью катились, подпрыгивая, по степи шары перекасти поле. Побежишь, не догонишь. На этом месте в конце пятидесятых, в Юрге открыли аэродром буквально рядом с нашим домом. Аэродром был в ведомстве машзавода. До этого, аэродром находился примерно на месте теперешней, городской администрации, но там были только планировщики. Мама, конечно, не упустила такую возможность и пошла работать на аэродром разнорабочей. В её обязанности входило выкашивать траву и стелить «старт». Папа тоже постоянно пропадал на аэродроме. Помогал маме косить, а скошенную траву, вёз на тележке домой, нашей корове Зорьке.

К маме на аэродром я бегала каждый день. Мама занималась своей работой и между делом показывала мне разные цветы и травы, рассказывала, как они называются. Мы с ней собирали букеты. Маминым любимым цветком была скромная незабудка. Иногда мы прогуливались втроём – папа, мама и я. Такие прогулки были только по вечерам, когда самолёты уже не летали. Было тихо, солнце клонилось к горизонту и перепёлка кричала: «...спать пора... спать пора...» Счастливое время.

Штат на аэродроме был маленький, во главе был начальник А. М. Махонин. Ещё был радист Олег, папа с ним очень сдружился. В отдельной будке-сторожке сидели дядьки сторожа. Уборщицей работала наша соседка, тётя Аня Ливанская. Самолёты летали довольно часто, несколько рейсов в день делал жёлтый пассажирский кукурузник и по одному рейсу почтовый и санитарный с красным крестом. Кукурузники летали в Яшкино, Анжерку, Кемерово, Тайгу, Мариинск. Пассажиров всегда много было, даже городской рейсовый автобус ходил с вокзала до аэродрома. Самолёты, при взлёте и посадке, с рёвом пролетали над крышей нашего дома. Не помню, что бы кто-то возмущался этим шумом, никому это не мешало. Только тётя Нина каждый раз пела частушку – «Самолёт летит, крылья стёрлися. Вы не ждали нас, а мы припёрлися!»

Полет на кукурузнике

Однажды и мне довелось летать на кукурузнике в Кемерово. Это наверное, самое яркое впечатление из моего детства. Летнее утро, в голубом небе плывут лёгкие облачка. Мы торжественно шагаем на аэродром. Мама с папой и мамина сестра тётя Иза с мужем дядей Димой, решили навестить родственников в Кедровском. Взяли и нас с Тamarой. Тамара, моя двоюродная сестра, дочь тётя Изы и дяди Димы. Мы с ней были одного возраста и очень дружили.

Это было настоящее приключение. С каким нетерпением мы ждали взлёта! Одно дело, видеть каждый день летящие самолёты над головой и совсем другое лететь самой в небе. Неслыханный праздник. На нас с Тamarой, надеты новые, хоть и ситцевые платья. В туго заплетённых косичках, наглаженные ленты. Сандалии обуты не на босую ногу, а с белыми носочками. Все волнуются в ожидании, но вот пилот открывает дверь в салон самолёта, цепляет ступеньку и мы забираемся внутрь. Самолёт разбегаётся подпрыгивая на кочках, отрывается от земли и мы летим! Все с любопытством прилипают к иллюминаторам. Первое, что я увидела, это крышу нашего дома и соседских гусей на поляне. Какое сверху всё было маленькое! Самолёт набирает высоту, под нами проплывают прямые улицы «43 пикета», бескрайние поля, знакомые лога. Передо мной открылась невиданная панорама. Такой красоты я не ожидала. У меня захватило дух! Но тут самолёт попал в воздушную яму и у Тamarы началась морская болезнь. Дальше мне пришлось в одиночестве любоваться завораживающими видами. Все были заняты Тamarой, ей дали бумажный пакет и велели в него дышать. Самолёт, то проваливался в воздушную яму, то снова шёл вверх. Трясло изрядно. Пассажиры сидели на жёстких сиденьях вдоль бортов. Когда самолёт накренился, я судорожно цеплялась за сиденье, чтобы не свалиться в проход. Под нами проплывали удивительно ровные квадраты полей. По ниточке-дороге полз грузовичок размером с зёрнышко. Когда нас потряхивало, как на ухабах, папа спрашивал, не боюсь ли я. Мне совсем не было страшно, ведь рядом были папа и мама. Полёт был совсем недолгим. Самолёт пошёл на посадку и вот тут я поняла, что такое морская болезнь...

Уже во взрослой жизни мне не раз доводилось летать на современных лайнерах в Ташкент, Ленинград, Бухару. Но на всю жизнь запомнился недолгий полёт из детства, на неуклюжем кукурузнике АН-2.

Как-то раз, бабушка собралась погостить к родственникам в посёлок Яшкино. Мама с папой уговорили её полететь туда на самолёте. Ну, как уговорили? Купили билет и посадили в самолёт. Впечатление от полёта было немногословным: «Страху натерпелась!»

Потом, на месте закрывшегося аэродрома разместили метеостанцию, но и её закрыли и теперь на этом месте церковь.

Та заводская проходная...

Вокруг аэродрома тянулся довольно глубокий ров, это чтобы скот не забрёл на взлётное поле. Кое-где виднелись воронки оставшиеся от снарядов. За аэродромом находилась испытательная станция машзавода – стрельбище, огороженное колючей проволокой. Из нашего окна можно было разглядеть высокий насыпной бугор. Стрельбу слышно было в любой части города. Противотанковые и корабельные пушки бабахали одиночными выстрелами. Когда же шли испытания артустановок для эсминцев, от канонады дребезжали стёкла в окнах и содрогались стены, эти орудия стреляли очередями. Стрелять перестали в 1990 году и в тишине начался развал. Развал завода... Развал страны...

После подписания договора между СССР и США, завод перестал получать военные заказы, других заказов почти не было. Масса людей осталась без работы и без зарплаты. Сначала зарплату задерживали, потом вообще перестали платить. Заводским рабочим стали выдавать талоны вместо денег. На эти талоны можно было пообедать в заводской столовой и домой прихватить пирожков и хлеба. Потом и столовые стали закрываться. Начались забастовки. Рабочие массово стали увольняться с завода. Наш цех закрылся и я перевелась в соседний цех. Потом совсем пришлось уволиться с завода. В городе работы не было никакой и только благодаря подруге Тамаре Коноваловой меня взяли на пивзавод приёмщицей стеклотары. В 1998 году люди вышли на рельсы и перекрыли Транссибирскую магистраль. Начались рельсовые войны.

До той поры большинство жителей города были рабочими машзавода. По утрам, сплошной людской поток двигался по улице Машиностроителей в сторону завода, а в конце рабочего дня обратно, в сторону города. С самого раннего утра все улицы города уже были чисто подметены, а проезжая часть помыта поливальными машинами. Люди гордились тем, что работают на оборонном предприятии. На заводе изготавливали оборудование для космоса (МКС, БЖРК) и для ВМФ. Изделия были лучшими в мире. Работа на заводе считалась престижной. Много было династий. Наши родственники тоже там работали.

Мамина старшая сестра – Руфина Ивановна Беседина работала начальником техбюро цеха № 23. Младшая мамина сестра Иза Ивановна Кравец – контролёром в ЦИЛ (Центральная Инструментальная Лаборатория). Муж Изы Ивановны, Дмитрий Галактионович Кравец – инженером в технадзоре ИПР. Когда стали взрослыми их дети, Саша и Тамара, они тоже пошли работать на машзавод.

Мамин родной брат Александр Иванович Гончаров, работал начальником бюро ППР в ОГМех (отдел главного механика). Его жена Валентина Владимировна работала начальником бюро общего подотдела главной бухгалтерии.

На заводе работал папа, подручным сталевара в цехе № 50. Слесарь механосборочных работ-штамповщик – это моя профессия в цехах № 36 и 42. В 41 цехе я работала секретарём начальника цеха. Оля работала инженером-конструктором в техбюро ИПР.

Наш родной дядя, Александр Иванович Гончаров, был нашим семейным фотографом. Мы очень признательны ему за все наши фотографии. Тогда фотоаппараты были большой редкостью. Благодаря ему, мы теперь с ностальгией разглядываем старые, чёрно-белые фотографии. Нам есть на что посмотреть и что вспомнить! Жена дяди Саши – Валентина Владимировна Корникова, хоть и была родом из села Поломошное, но была дамой с изящными манерами, к тому же эрудированная и приятная собеседница. У дяди Саши и тёти Вали было двое детей – Володя и Оля, наши двоюродные брат и сестра. На фото – двоюродная сестра Оля Гончарова и я (справа).

По малину

В посёлок Яшкино, бабушка обычно ездила на электричке и меня с собой иногда брала. В гости ездили к многочисленным бабушкиным родственникам. Это было всегда летом, когда поспевала малина. По ягоду ходили в тайгу. Три сестры – баба Поля, баба Пана и баба Дуся. Все шли с вёдрами, а мне давали бидончик. В лесу стоял густой аромат цветов и хвои. Голоса птиц звучали необычно и очень красиво, совсем не похоже на сумасшедший ор городских воробьёв. Огромные сосны и кедры поднимались до самого неба. Запрокинув голову я смотрела как высоко в небе плывут облака и ждала, вдруг облако зацепится за острую макушку высоченной ели... Но меня окликали – не отставай! Начинались малинники и бабушки начинали собирать ягоду. Они постоянно перекликались: «Ау!.. Ау!..» Хотя не теряли друг друга из вида. Сейчас я догадываюсь, что кричали они наверное медведю, отпугивая его от малинника. Вёдра быстро наполнялись и только на дне моего бидончика перекатывались одинокие ягодки. Малина росла исключительно в буреломе, прорваться было непросто. Жгучая крапива росла везде, куда не протяни руку. Когда же я добиралась до ягоды, она почему-то попадала не в бидон, а мне в рот...

Исчезнувшая деревня

В конце пятидесятых на огородах ягоду почти никто не выращивал. Старались посадить как можно больше картошки. Ягоды вокруг и так хватало, только собирай. Начиная от нашего дома, в полях и логах было много клубники. В первом же логу, за «43 пикетом», протекала речка Ягодная. За речкой, на крутом берегу, когда-то стояла деревня с одноимённым названием. Но на моей памяти деревни уже не было, а только стоял на том месте памятник с крестом и памятными табличками. Деревня же переселилась на несколько километров дальше и стала называться Ново-Ягодная. Сейчас и от неё почти ничего не осталось, только дачи и ферма агротехникума. А на ягодных полянах и по сей день зреет клубника.

Корову мы старались пасти сами. В стаде корова давала меньше молока. Соседи тоже своих коров гоняли пастись в ближние лога. Бабушка накидывала корове на рога верёвку и выводила её со двора. Следом топали мы с телком. С мамой пасти корову было интересней. Это было как экскурсия. Мама рассказывала мне обо всём, что видела вокруг. Импровизированные уроки природоведения. Иногда мы поднимались к памятнику. С трудом забираясь по крутому и высокому склону.

От мамы я и узнала, что стояла тут деревня Ягодная. Очень много клубники здесь было, поэтому назвали так речку и деревню. Деревню основали крестьяне – Стольшинские переселенцы из Рассеи. Вокруг рос лес, на речке стояла мельница. Постепенно от леса остались берёзовые околки, от речки ручей, от деревни памятник, поставленный кем-то, в память о родной деревне и покоившихся здесь предках. Вандалы забили таблички на памятнике, но можно было прочесть фамилии – Василевич и Шитиков. В наши дни и ручей почти совсем пересох. Крутые берега стали пологими. Рельеф изменился до неузнаваемости. Почти ровное поле и памятник среди пахоты. Как жаль...

Выбражуля

У мамы с папой было много друзей. Они приходили к нам отмечать большие праздники – 1 Мая и 7 Ноября. Всегда собирались у нас после демонстрации. Взрослые такие гулянки называли «в складчину». По радио с утра звучали бравурные марши, поднимая настроение до уровня праздничного. Мама доставала тарелки с золотой каёмкой и рюмки на ножке. Красиво сервировала стол и сама наряжалась. У мамы была швейная машинка и домашние платья, она себе шила сама, а нарядные, «на выход» заказывала в ателье. Брала меня с собой, когда шла на примерку. В ателье я с интересом разглядывала витрину с тканями, от их разнообразия рябило в глазах. С любопытством наблюдала исподтишка за посетительницами – все такие нарядные, все такие разные. Они поражали моё детское воображение своими столичными манерами и фетровыми шляпками с вуалькой. Ещё мне очень нравились муфты, дамы в них прятали кружевные, носовые платочки. Мама для меня тоже сшила маленькую муфточку. Вот только гулять мне её не давали, что меня очень расстраивало. Это был парадный аксессуар, не для беготни по улице, а мне так хотелось побыражухать перед подружками.

Наряжать меня маме нравилось. Она шила мне ситцевые и фланелевые платица. Помню своё плюшевое пальто, ужасно маркое. Однажды пальто было постирано в прачечной и вдруг обнаружилось, что оно светло-голубое, а не серое! В ту пору у взрослых входили в моду пальто с каракулевыми воротниками. Это был последний шик, не все могли себе позволить такую роскошь. В основном воротники были цигейковые и шапки тоже поголовно цигейковые. Детское пальто с каракулевым воротником никто и вообразить не мог. А мне купили! Все разглядывали мой невероятный наряд, говорили о нём, обсуждали, любовались. Я чувствовала себя в статусе королевы, не ниже! Но надевать его разрешалось только для выхода «в город».

Дополняли наряд ботиночки с меховой оторочкой и шаровары с начёсом. Мои сверстники ходили в подшитых валенках, донашивали одежду старших братьев и сестёр, а я щеголяла в обновках. Тогда в основном семьи были многодетными, а я была единственным ребёнком в семье и меня наряжали и баловали подарками. А ещё поднимала мою самооценку обёртка от плитки шоколада. На ней золотыми буквами было написано «Руслан и Людмила». Людмила! Моё имя даже на шоколадке пишут.

Но при всём при том, висел на видном месте папин солдатский ремень с медной пряжкой – стимул послушания...

Подарки

Дарили мне книги и игрушки не часто, но сколько было радости! Очень я любила книжки-раскраски и новенькие цветные карандаши. Большие подарки были к дню рождения. Запомнился синий патефон. Он был меньше размером, чем обычные патефоны и выглядел детским, что никак не отражалось на его работе. Пластинки крутили те же самые. Теперь по праздникам, под патефон, взрослые танцевали фокстрот «Рио-Рита» или танго «Брызги шампанского» и кружились в вальсе «Дунайские волны». Сейчас меня удивляет, что в ту пору все умели танцевать вальс! Мне разрешали самостоятельно проигрывать пластинки. Я усердно крутила ручку патефона и осторожно опускала иголку на пластинку. Не всегда удачно. Иголка издавала противный звук и приходилось выслушивать нотацию о бережном отношении к вещам вообще и к пластинкам в частности.

Последним подарком от родителей стал велосипед. Мне исполнилось семь лет и немис-
лимо щедрый подарок был вручён со словами – «Нынче ты пойдёшь в школу и поэтому мы
дарим тебе этот велосипед, он называется «Школьник». И действительно, на раме красовалась
символическая надпись. Я уже умела читать и с восторгом, несколько раз прочитала такое мно-
гозначительное название. Хотелось вскочить и помчаться, но за окном ещё белели сугробы,
день рождения у меня в марте. Мне не разрешили даже дотронуться до подарка из-за опасе-
ния, что я вымажусь смазкой, толстым слоем щедро покрывавшей велосипед. Папа видя моё
нетерпение, сжалился и разрешил позвонить в блестящий звоночек на руле, на этом радость
закончилась. Я была обескуражена, но папа невозмутимо убрал велосипед подальше с глаз,

до лучших времён. Надо-ли рассказывать, с каким нетерпением я ждала когда растает снег и высохнут дороги. Велосипед служил мне верой и правдой много лет. Гоняла я на нём по улицам «43 пикета» до той поры пока колени не стали упираться в руль. Велосипед перешёл по наследству сестре и она не слезила с него ещё несколько лет.

Торт и рыбий жир

Первый торт в моей жизни был в виде большой шоколадной звезды. Меня поставили на стул перед гостями. Я торжественно, с выражением продекламировала стихотворение, выученное с мамой накануне. Когда родители открыли коробку, я увидела, что-то сказочно невероятное, в кремовых завитках и шоколадной глазури. Разве можно есть такую красоту! Хорошо запомнилось – торт был пятиконечный и мне исполнилось пять лет! Мне отрезали от звёздного торта один луч и налили чай в новую, только что подаренную чашку. Но вкуса того торта я не помню.

Зато хорошо помню вкус рыбьего жира. Нет ничего более отвратительного, чем эта полезная мерзость. Что заставляло родителей поить меня этим снадобьем? Я не была болезненной и хилой, совсем даже наоборот, в меру упитанный, здоровый ребёнок. Каждое утро папа доставал из шкафчика ненавистный пузырёк и подзывал меня. Я смотрела как льётся в ложку вязкая струйка и мой организм содрогался от отвращения. Папа просил открыть рот... Зажмурившись, я проглатывала как можно быстрее содержимое ложки. «Молодец!» – объявлял папа и я убегала.

Гастрономический рай

Большим событием для меня был выход в город с родителями – это было праздником. До сих пор помню роскошный магазин № 13, его ещё называли «Нижний гастроном». Он мне казался настоящим дворцом, с витиеватой лепниной и бронзовыми люстрами. Никогда больше, за всю свою жизнь, я не встречала такого изобилия конфет. А какой аромат настоящего шоколада стоял в бакалейном отделе! Я любовалась разнообразием шоколадных сладостей, пока родители делали покупки. Потом они спрашивали меня, что же я выбрала, но выбрать было невозможно! Тогда они на свой вкус покупали по несколько штук разных сортов и я ликовала – моя коллекция пополнится новыми фантиками! Затем мы шли в отдел «Соки, воды». Там наслаждаясь лимонадом с шипучими пузырьками, я разглядывала огромного медведя под потолком. Медведь тоже пил из своего стакана. Он как живой, то запрокидывал голову назад, то наклонял её вперёд. Его стакан, то пустел, то снова наполнялся и я не могла оторвать глаз от этого чуда!

В отдельных будках сидели кассирши в белых, кружевных наколках на голове. Глядя, как они крутят ручку кассы я тоже хотела стать кассиром. Впрочем, глядя на пролетающие самолёты, над нашим домом я мечтала стать лётчиком.

По магазинам ходили не часто. В основном все продукты были свои, домашние – овощи, мясо, молоко. Всегда говорили – картошку с капустой вырастили, значит с голоду не помрём. Ну, а если есть корова, то совсем сытная жизнь. В магазине покупали хлеб, сахар, крупу. Только с полочки покупались какие-нибудь вкусности, но в ограниченном количестве, лишь попробовать – конфеты, колбаса, шоколадное масло, даже небольшой ломтик красной рыбы. Бабушка от своей порции отмахивалась – баловство, а не еда!

Не помню, что бы нам покупали яблоки. Конфеты помню, а яблоки не помню, но в пакете с Новгодним подарком, яблоко было всегда. Представьте моё изумление, когда я вдруг узнала, что яблоки растут на дереве! Ну не растут же на дереве конфеты или пряники! Почти как у Корнея Чуковского про Чудо-дерево, только там росли чулки, да башмаки...

Пакетов с Новгодними подарками, всегда было два. Один выдавали на утреннике в школе и мы на него сдавали по рублю. Другой подарок был бесплатный – папа приносил с работы пригласительный билет от профсоюза на ёлку в д/к «Победа» и по этому билету выдавали подарок. Подарки были щедрые, много разных, шоколадных конфет, яблоко или мандарин, маленькая шоколадка и большущая вафельная конфетина «Гулливер». Обычно, родители конфеты прятали и выдавали по одной штуке, но Новгодние подарки не забирали. Сначала я с ними играла – пересчитывала конфеты, сортировала, высыпала из пакета и снова складывала.

Как кошка с мышкой. Изю всех сил я старалась конфеты не есть, но их становилось всё меньше и меньше и наконец оставалось несколько карамелек.

Конфеты и яблоки, это всё экзотика. Самым крутым лакомством был сахар. Не такой как сейчас, а колотый большими кусками или пиленный. Пиленый неровными кубиками, был завернут в синюю оберточную бумагу и перевязан золотистым шпагатом. Теперь такой сахар почему-то не производят, а жаль. Сахар от меня прятали, закрывали под замок, но я его находила и получала нещадную трепку, потому, что одним кусочком я ограничиться, ну никак не могла. Последний раз такой сахар я видела в 1998 году, мы его покупали в городе Болотное. Сахар продавали на колхозном рынке из больших мешков, как в далёком детстве.

Соседи

Все соседи жили очень дружно, всегда помогали друг другу. Сегодня кому-то колодец роют, а завтра у другого крышу чинят. Нам соседи помогали пристраивать дом. Когда привозили сено, помогали метать стог. Отец с соседями был в хороших отношениях, его уважали, но близко дружил он только с одним соседом. Жили по соседству с нами татары. Кормушаков дядя Гена, так все его называли, настоящее татарское имя Халиулла. Папа его называл Бабай – дедушка. Интересный был человек, другой национальности, с другими повадками и привычками. Дома ходил в диковинном полосатом, татарском халате и тюбетейке, расшитой затейливыми узорами. Курил он папиросы, но не магазинные, а сам набивал их при помощи пинцета. Достанет с полки сундучок с пустыми папиросными гильзами, коробку с ароматным табаком и священнодействует. Не спеша, как будто колдует...

В Юрге проживало очень много татар. Рядом с городом были деревни, где жили одни татары – Улус, Шалай, Зимник, Сар-Саз и другие. Многие татары не знали русского языка, особенно пожилые. Теперь молодёжь из этих деревень не знает своего, родного, татарского языка. Неподалёку от нас жили Халиковы. Дедушка не снимал с головы тюбетейку, бабушка ходила позвякивая монистами. Пытались мы у них покупать молоко, но пришлось отказать. Бабушка русский язык не понимала. Приходилось общаться через сыновей, их было шестеро, все взрослые. Если их не оказывалось дома, объясняться с бабушкой было трудно.

Немцев тоже было очень много, пленных и депортированных. Наш «43 пикет» построили немцы. В школе, в пятом классе, когда начинали изучать иностранные языки, класс делили на две группы – половина учеников учит немецкий, другая половина английский. В немецкой половине большинство было немцев. В девяностых годах очень много немцев семьями выехали навсегда в Германию, на свою историческую родину.

В Юрге есть улица Интернациональная. Наш «43 пикет», по своему составу тоже был многонациональным. Наши соседи – татары Кормушаковы, белорусы Шульга, украинцы Маляко, немцы Шох. Про межнациональные конфликты никто и не подозревал. Пацаны в уличной потасовке, если вдруг обзывались «фашистом», то это пресекалось. Хотя, за глаза и взрослые могли про кого-нибудь сказать – «вредный хохол» или «хитрый татарин». Немцы отличались невероятной чистоплотностью. Если во дворе идеальный порядок, а в доме невероятная чистота, значит здесь живут немцы. Среди них тоже не все знали русский язык или говорили с сильным акцентом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.